

Дамодар Маваланкар

О ТЕОСОФИИ И ТЕОСОФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Теософия и Теософическое Общество — это две весьма различные вещи, так как последнее, охватывающее первое, включает в себя еще несколько других положений. Разрешите мне напомнить вам, что в наших правилах наши цели определены, как следующие:

- 1. Сформировать ядро Всеобщего Братства Человечества, без различия расы, мировоззрения или цвета кожи.*
- 2. Продвигать изучение арийской и другой восточной литературы, религии и науки и отстаивать их важность.*
- 3. Исследовать скрытые тайны Природы и психические способности, скрытые в человеке.*

Из них первый пункт наиболее для нас важен. О нем говорят, что эта идея утопическая. Но так ли это или нет, это совершенно не важно. Люди хотят знать, способствует оно счастью и благополучию человечества, и, та ким образом, стоит попробовать или нет. И если это так, мы все будем заботиться о нем.

Насколько мы преуспели в нашем стремлении, можно видеть на основании практических результатов нашей работы. Если мы достигали успеха до сих пор, то это потому, что мы всегда имели ввиду, что мы могли принимать только тех, кто был способен понять, что означает термин «Всеобщее Братство», и быть признательным за честь быть принятым в его ряды.

Поэтому мы распространили Братство только для тех, кто мог понять и надеялся преодолеть огромные трудности, встречаемые и при интеллектуальном одиночестве, и при интеллектуальном сотрудничестве. Это трудное положение, но, справившись с ним однажды, Теософическое Общество нашло много новичков, способных организовываться в группы и руководить ими.

Так распространяется идея, так сформировались многочисленные отделения, так наши действия распространились почти по всему миру. И практическую пользу, получаемую от такой организации, каждый из наших членов может засвидетельствовать каждый день. Так как мы собрались из различных наций и с различными религиозными убеждениями, нам было по существу не обходимо, чтобы иметь определенные строгие правила, чтобы укрепить согласие.

И как мы могли бы достичь этого, кроме, как, не позволяя никому вступить в ряды Общества прежде, чем он не даст торжественное обязательство соблюдать принцип взаимной религиозной терпимости и взаимного понимания? Есть большая разница между ортодоксальностью и фанатизмом.

Человек может быть очень ортодоксален и совершенно не быть фанатиком. Ортодокс будет стойко оставаться верным своим взглядам, какими бы они ни были, в то время как фанатик будет пытаться лучшим, по его мнению, способом навязывать свои идеи другим, желают ли они этого или нет. Поэтому мы должны принимать только таких людей, которые не будут вмешиваться во взгляды своих коллег, членов Общества, но будут стремиться к взаимному интеллектуальному пониманию.

Между спокойным философским обсуждением и фанатическим принуждением целая пропасть, и человек, желающий прийти к Истине, должен принять ее, из какой бы части света она ни исходила и при каких обстоятельствах она ни была найдена.

Большинство из нас, азиатов, верит, что мы можем отыскать её в древних религиях, и поэтому поощряем их изучение. И здесь приходит теософия. Но это термин, который, по существу, как я представляю себе, большинство наших критиков не понимает; отсюда многие неправильные представления о нашем Обществе. Простые люди говорят, что слово «теософия», по лученное от «Theos — Бог» и «sophia — мудрость», означает мудрость Бога. Отсюда они опрометчиво приходят к выводу, что мы все сторонники персонифицированного Божества. Более серьезной ошибки нельзя было бы когда-либо совершить. «Теософия» для нас (а также для Платона и других древних теософов) означает «божественная мудрость», или, скорее, знание того, что пока является тайной для большинства людей.

В этом смысле, даже материалист является теософом, потому что он всегда пытается отыскать действие таких законов природы, какие еще не открыты; буддист, который не признает никакого Бога, является также теософом, поскольку он стремится достигнуть знания того, что он называет термином «движение» и с его помощью достигнуть «нирваны»; так и ведантист, когда он находится в поиске знания того, что он называет «Парабрахмой», и, таким образом, достигают «мокши»; подобным образом, приверженец учения Заратустры тоже теософ, поскольку он прилагает усилия в своем движении, которое

позволит ему воспринять своим внутренним зрением то, что видел бог Зороастр (или Заратуштра); и т.д. и т.п.

Но, если мы возьмем религиозную историю основателей всех этих религий, мы найдем, что они шли одним и тем же путем и приходили к одним и тем же выводам.

Можно было бы спросить: «Как же тогда случилось, что в различных религиозных книгах так много противоречивых мест?»

Тогда приходит истинная теософия, которая является единственным ключом, который открывает мистерии всех этих благородных древних философий. Овладейте этим ключом, и все эти несообразности исчезнут. По крайней мере, те, кто попытался овладеть ими преуспел, утверждают, что это так. Для изучающего оккультизм эта внешняя сторона дела не имеет никакой привлекательности.

Он стремится проникнуть в дух всего. Для него весь эзотеризм — это простой спор по поводу терминов. Естественно, что наши высшие секции предназначены только для оккультистов. Поэтому в любой из этих секций очень немного на роду. Оккультизм не для всех.

Ведь хотя хирургия открыта для всех, всё же не всякий может быть квалифицированным хирургом, так же не каждый может быть хорошим оккультистом. В этом случае, как и в каждом другом, лучше не касаться оккультизма вообще, чем потерпеть неудачу.

Поскольку оккультизм предназначен не для толпы, очень немногие могут оценить его или понять его истинный смысл, и поэтому люди изобретают свое собственное понимание.

Тем не менее, представляется абсурдным стремиться к такому не правильному представлению об оккультизме. Конечно, ученики учатся у специалистов по оккультизму верить, что не существует таких вещей, как «чудеса».

Так что идея, что есть нечто вне законов природы, абсурдна; и поэтому мы отклоняем такую идею самым решительным образом. Однако для нас несомненно, что удивительное может случиться, хотя мы уверены, что это всегда происходит, подчиняясь действию сил Природы, а не вследствие какой-то сверхъестественной причины. Такова позиция, допускаемая оккультистом.

Поэтому он никогда не скажет, что удивительные явления, приписываемые мировым мудрецам, не были подлинными; но скажет только то, что они были не «чудесами», в смысле сверхъестественных вещей, а были совершены посредством знаний ими скрытых или оккультных сил Природы.

Любой может осуществить их; любой, обладающий чистотой будды, прошедший тоже самое обучение и получивший тоже самое знание, может стать бодхисатвой. Гаутама Будда никогда не требовал для знания людей какого-либо божественного вдохновения — то есть какого-либо влияния, внешнего по отношению к себе, так как он отвергал саму идею существования Бога. Он стал Буддой, развивая свои не раскрытые психические способности, которыми более или менее обладает каждый человек. Оккультисты поэтому никогда не называли его или любое лицо из перечисленных вами лжецами.

Из всего выше сказанного, надо надеяться, вы так же поймете, что ни один восточный оккультист никогда «не делал вид» и не заявлял о том, что поддерживает «непосредственную прямую связь с Божеством»; так как он не верит и не вызывает ни к какому другому Божеству, кроме того, кого он возвел на престол внутри себя. Полностью представляя, что человек — это микрокосм в пределах макрокосма, он не собирается искать во внешней вселенной того, кого ему не удалось найти внутри себя.

*(Дамодар К. Маваланкар, «Ответ на не правильные представления г-на ***», 10 март, а 1882 г.)*